

НАДЕЖДА ЛУХМАНОВА

Девочки

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л86

Лухманова Н.

Л86 Девочки / Н. Лухманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 252 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77612-2

Домашняя и институтская жизнь девочек дореволюционной России предстает перед современным читателем во всех подробностях. Как в прошлом веке девочки получали образование, какие порядки царили в учебных заведениях для девочек, чему их учили, за что наказывали — обо всех переживаниях, проказах и горестях рассказывает увлекательная и трогательная повесть непосредственной свидетельницы событий.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77612-2

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ДЕВОЧКИ

Воспоминания

из институтской жизни

Ж

*«Чертов переулок». — Бал. — Наказание. — Закат солнца. —
Прощанье. — Прием родных*

Их было трое: Корова, Килька и Метла. Это были сестры, девицы благородного немецкого происхождения, и все три занимали должности в N-ском институте. Корова была ин-спектриса, Килька — классная дама, Метла — музыкальная. Жили они во втором этаже, в «Чертовом переулке», то есть узеньком коридорчике, который представлял собой как бы рукав большого коридора, проходившего между классами.

Корова была маленького роста, с выдающимися лопатками и вечно опущенной головой, как бы готовой боднуть; ворчли-вая и злая Килька действительно напоминала своей точно вымоченной и сплюснутой головой эту многострадальную рыбу; была придирчива, мелочна и изводила нотациями. Мет-ла, худая, длинная, с головой, покрытой бесчисленными ры-жими кудерками, издали легко могла сойти за новую швабру, но была добра, сентиментальна и хронически обижена. В том же коридоре жил еще Хорек, безобидная «рукодельная дама», с собственным сильным и скверным запахом.

Воспитанницы всех трех старших классов, выходивших в большой коридор, не заходили в «Чертов переулок» без нужды, только если кому-нибудь надо было плюнуть или вы-

бросить какой-нибудь сор. В минуты рекреации, когда шумные волны бежали из каждого класса и сливались в коридоре в один общий бурный поток, обитательницы переулочка, казалось, сторожили за своими дверями, и не успевала воспитанница сделать туда шаг, как чья-нибудь дверь открывалась и, как из чудо-коробочки, выскакивала обитательница.

— Вы куда? — спрашивала она строго на немецком или французском языке. Застигнутая врасплох воспитанница «обмакивалась», то есть быстро приседала, и отвечала невинно:

— Никуда, я видела, что ваша дверь отворяется, думала — вы зовете...

— Дерзкая! — шипела дама, захлопывая дверь, а девочка, быстро опустив руку в карман, бросала в воздух горсть мелких, тщательно нарванных бумажек, и те летели, как белые мухи, усеивая собой чистый пол коридорчика.

Только в восемь часов вечера, когда воспитанниц уводили ужинать и затем в верхний этаж спать, в большом коридоре наступала полная тишина. В «Чертовом переулке» открывались двери, и обитательницы его выходили на свободу, гуляли по коридору, изрезанному полосами лунного света, заходили в классы, шарили у «подозрительных» в пюпитрах. Найдя что-нибудь запретное, долго шептались, качая головами, хихикали и скорее уносили добычу к себе, чтобы завтра сообщить о ней дежурной классной даме или даже Маман, смотря по важности открытия.

Иногда Корова и Килька делали ночную облаву на учениц. Поход почти всегда оканчивался удачей. Неприятеля захватывали на биваке с запретной книжкой или за роскошным пиром из сырой репы, огурцов и пеклеванников (*ржаной хлеб из мелко просеянной муки тонкого помола*) с патокой (любимое лакомство девиц). Двух-трех, не успевших улизнуть по кроватям, захватывали в плен с поличным, то есть со всем оставшимся имуществом, уводили в средний этаж и расставляли в «Чертовом переулке» по углам на полчаса или на час.

Словом, между большим коридором и его рукавом ненависть была горячая, и велась ожесточенная, ежечасная борьба...

Утро. В коридоре тишина. Изредка сквозь закрытые двери классов доносятся неясные звуки голосов учителей или не в меру звонкий ответ. Во втором классе идет урок рисования. Чахоточный красивый учитель, с большими блестящими глазами и потными руками, подсаживается то к той, то к другой парте, при этом девочки встают, и «подделывает» рисунок, потому что вообще рисование проходит небрежно и, кроме двух-трех талантливых учениц, остальные не делают ничего.

С первой скамейки, там, где виднелась черная как уголь головка Наташи Вихоревой, Чернушки, по классу пошла циркулировать маленькая записочка. Получавшие расписывались на ней тонко, как мушиной лапкой, и, сложив крошечным шариком, перекидывали дальше.

Записочка щелкнула в нос Бульдожку, толстую, тупоморденькую Катю Прохорову; сердитая девочка заворчала, а две-три подружки фыркнули и уткнулись носами в рисунок. От Кати записка упала на парту Баярда — Нади Франк, рыжеволосой, живой, подчас неудержимо дерзкой и смелой девочки; та, расписавшись, перекинула ее Пышке, добродушной Маше Королевой.

Килька, дежурившая в классе, сидела смирно на своем стуле и вязала чулок, но глаза ее, как у кошки, искоса следили за бумажным шариком. Когда записочка долетела до Пышки, сидевшей у края класса, почти рядом с ее стулом, она вдруг схватила девочку за руку со словами: «Geben Sie ab» (*Отдайте*), но Пышка быстро перекатила шарик из одной руки в другую и затем сунула его себе в рот.

— Отдайте, — зашипела Килька. — Geben Sie gleich ab! (Сейчас же отдайте!) — Но Маша усердно жевала бумажку, и когда выплюнула ее на пол, то это была плотная маленькая клетка, которую она еще придавила ногой.

— Gut (Хорошо), — только злобно и сказала Килька и нервно застучала спицами.

Бумажка, обежавшая весь класс, возвещала, что сегодня вечером, после ухода Кильки из дортуара, Чернушка задает бал с приличным угощением и приглашает господ кавалеров, дам, лакеев и музыкантов быть на своих местах. Приятная весть и без дальнейшего путешествия бумажки стала теперь известна всем...

День прошел по обыкновению, со всеми перипетиями институтской жизни, и наконец настал час, когда все девочки уже лежали в кроватях.

Дортуар второго класса, в котором был назначен сегодняшний бал, был теперь как раз в привилегированном положении. Килька из-за своих сестер обитала внизу, в «Чертговом переулке», а француженка, m-lle Нот, болезненная миниатюрная старушка, захворала, дверь ее комнаты была заперта; заменявшая ее дама спала в другом дортуаре, и таким образом девочки на ночь оставались совсем без надзора.

Килька обошла еще раз кругом дортуара и посмотрела подозрительно на тридцать головок, заснувших как-то необыкновенно быстро и покорно. Тридцать кроватей, поставленных в два ряда изголовьями одна к другой, чередовались ночными шкафами. В ногах у каждой стоял табурет, и на нем лежали аккуратно сложенные принадлежности дневного туалета. Высокая ночная лампа под темным зеленым колпаком тускло освещала тридцать серых байковых одеял с голубыми полосами. Все девочки, как куклы, — лежали на правом боку, в ночных кофтах, с руками поверх одеяла, и еще раз показались удивленной Кильке спящими.

— Gute Nacht (*Доброй ночи*), — проговорила она и вышла. Пройдя большую умывальную комнату, где горничная стлала себе постель в нижнем раздвижном ящике комода, она остановилась и минуты две слушала. Полная тишина!

Тогда она наконец вышла в коридор и спустилась к себе во второй этаж.

Через четверть часа все девочки, кроме самых вялых, сонливых или «безнадежных парфешек», были на ногах. Три музыканта сидели на шкапиках и, обернув тонкой бумагой гребенки, настраивали свои инструменты. Кавалеры, запрятав панталоны в высокие чулки, прихватив их подвязками поверх колен, застегнули на груди кофточки, отогнули назад их передние полы, отчего сзади получилось подобие фрака, и углем нарисовали себе на верхней губе черные усики. Дамы сняли кофты и остались в рубашках декольтэ и manche-courte (короткий рукав) и коротеньких нижних юбочках. Лакеи, в обязанности которых входило разносить угощение, в отличие от кавалеров были без усов, в сюртуках, то есть в кофточках на выпуск. Кое-где на шкапиках появились свои свечи, с лампы был снят абажур. Бал начался. Вокруг кроватей летали пары. Дамы томно склоняли головки на плечо кавалерам, овеивая их растрепавшимися длинными волосами. Музыканты надрывались, играя любимый «Вальс шаха персидского». Лакеи уже разносили вторую перемену — свежие огурцы с сахаром. Дирижер, Надя Франк, вел танцы:

— Rond des dames! Cavaliers solo! En avant! (*Дамы в круг! Кавалеры ведут! Вперед!*) Стой, стой, Бульдожка, ты опять танцуешь с лакеем...

В это время дверь из умывальной приотворилась, загораживавшая ее пирамида из табуретов, надетых верхом один на другой, рухнула. Кавалеры, дамы, музыканты, лакеи разлетелись кубарем по своим кроватям; не только свечи, но и лампа потухла. Корова и Килька, отодвинув табуреты, вошли в дортуар, погруженный во мрак. Горничная, задаренная девочками, только через пять минут могла отыскать спички, и когда лампа была зажжена — на тридцати кроватях лежало тридцать девочек, все на правом боку, с руками поверх серого одеяла с голубой каймой. Только, о ужас! несколько девочек были без кофт, с распущенными волосами, тогда как строго-настрого было приказано заплетать их на ночь в одну косу. У других на верхней губе еще виднелись черные тонкие

усики, на шкапиках всюду лежали остатки запрещенного пиршества...

Килька, с перекошенным от злости лицом, дотрагивалась своими сухими пальцами до ног виноватых и говорила только: «Du, du, du und du, steht auf!» (*Ты, ты, ты и ты, встать!*) И, как после арии Роберта: «Восстаньте из гробов!», с кроватей поднялись шесть девочек в белом, которые начали сконфуженно приводить в порядок свои шутовские наряды, вытирать полотенцем лица и кутаться в зеленые байковые платки (платье при ночных экскурсиях не надевалось), затем покорно двинулись в путь за классной дамой.

— Und morgen werde ich alles Maman erzählen! (*И утром я все расскажу Маман!*) — громовым голосом добавила Корова.

Это была действительная угроза. Маман докладывалось только о больших преступлениях, и кара за них полагалась серьезная, например «без родных», то есть без допуска на свидание с родственниками в ближайшее воскресенье.

Девочки стихли, непойманные привели себя в должный порядок, убрали все и улеглись. Вскоре дортуар погрузился в настоящий, глубокий сон. Провинившиеся были расставлены почетным караулом по углам и у дверей обитательниц «Чертова переулка». Баярд попала на часы к дверям Метлы. За спиной девочки был кувшин с большим букетом цветов. Надя вдруг с необыкновенной злостью выхватила цветы из воды, своими тонкими нервными пальцами развязала шнурок, стягивавший толстую связку корней, затем смяла, скомкала все головки цветов, туго перетянула их шнурком и сунула в воду. Освобожденные же корни безобразной щетиной топорщились сверху.

— Метле нужна метла, а не цветы! — заявила Баярд под одобрителный смех из всех углов.

Дверь комнаты музыкальной дамы тихонько отворилась, и на пороге показалась Метла. Она подошла к окну, протянула руку к цветам и быстро отдернула ее, видя взъерошенное